

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.6

Французские реминисценции

© В. И. Метлов

Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
Россия, 119991 г. Москва, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4.

Email: vimetlov@gmail.com

Представленная статья является очерком пребывания автора во Франции в качестве стажера, а затем в качестве профессора департамента философии университета Ниццы. Автор рассказывает об условиях пребывания в стране, о той тематике, которая занимала его в это время. Дается краткая характеристика основных центров философской мысли в Париже и в провинции и ее основных представителей. Дается характеристика проблем, в решении которых может оказаться плодотворным сотрудничество российских и французских исследователей в области философии. Материал носит субъективный характер, определяемый теоретическими и человеческими пристрастиями автора. Так, читатель не найдет здесь характеристик феноменологического движения, с которым нередко отождествляют философскую мысль Франции. Симпатии автора на стороне логико-аналитической традиции, не пользующейся особым интересом отечественных исследователей французской философии. Вместе с тем в статье отмечается важность преодоления конфликта основных философских тенденций. С уважением и благодарностью вспоминаются учреждения и отдельные представители философской мысли Франции, с которыми свела автора судьба.

Ключевые слова: стажер, философские центры, профессура, Париж, провинция, проблемы, французский язык, философия, логика.

Во Франции в качестве профессионального философа мне довелось побывать дважды: в качестве стажера Международного центра студентов и стажеров в университетском году 1972/73 и затем в течение трех месяцев весеннего семестра 1990/91 учебного года в качестве приглашенного профессора департамента философии университета Ниццы. Впоследствии, после 1991 г., имели место отдельные выступления в различных университетах, на конференциях во Франции и в России с участием французских коллег. Так, в апреле 1996 г. в Твери была проведена конференция, посвященная юбилею Р. Декарта, в работе которой, помимо активного участия преподавателей российских вузов, приняли участие преподаватели университетов Страсбурга и Ниццы; в ноябре 1997 г. ваш покорный слуга был приглашен в Сорбонну для участия в днях Спинозы «Спиноза в 19 столетии» с докладом «Спиноза в русской философии»; отдельные лекции имели место в университетах Страсбурга (о нигилизме, о русской философии), в Средиземноморском университете (две лекции по русской философии), в университете Ниццы о русской философии, в колледжах Ниццы, Тулона. Таким образом, связь с французской философской мыслью не оборвалась с окончанием стажировки.

Предподготовка к стажировке. Но начну по порядку. Предложение поехать на стажировку во Францию для преподавателя философии провинциального института (я был на тот момент доцентом кафедры диалектического и исторического материализма Горьковского политехнического института им. А. А. Жданова) было и для меня, и для моих коллег и очень привлекательным, и довольно неожиданным. Но было распоряжение ведомственного учреждения (Министерства высшего и среднего специального образования), ректорат и партком вуза

остановились на моей кандидатуре, и началась моя подготовка к поездке во Францию. Мне был выделен преподаватель французского языка, к стыду своему помню только его имя, Владимир; очень хороший был педагог, отважный мотоциклист, к сожалению, вскоре погибший в транспортной катастрофе. Закончилась моя языковая подготовка, едва начавшись, нового преподавателя не было предоставлено. Французский язык я никогда не изучал, не проходил ни в школе, ни в техникуме, ни на философском факультете МГУ, хотя и должен был в университете познакомиться с некоторыми оригинальными работами французских авторов, близкими к интересующим меня вопросам. Было одно «но»: в разнарядке Министерства предлагалось выделить стажера, готового специализироваться по проблемам молодежного католического движения во Франции, передо мной встала дилемма: поехать во Францию очень хотелось, но заниматься предложенной проблемой... У меня в это время было уже довольно много сделано по докторской диссертации, которая никоим образом не была связана с предложением министерства. Это была тематика, связанная с основаниями и методологией научного знания. Поэтому я решился предложить эту тематику, не поступаясь ради поездки в такую привлекательную страну своими научными интересами. Вопреки моему ожиданию предложенная тематика была одобрена министерством: во Франции мне будет возможно заниматься тематикой докторской диссертации. Надо сказать, что для моей проблематики французская философия, как я ее себе представлял, не казалась стоящей на передовых рубежах. Воспитанные на кафедре логики философского факультета МГУ в 1958–1963 гг., мы были под обаянием работ представителей Венского и Берлинского кружков, Львовско-Варшавской школы, словом, воспитывались в русле логико-аналитической, может быть, точнее сказать, позитивистской традиции. Мне казалось, что во Франции я не найду чего-либо подобного, близкого к тому, что мне было известно, как относящееся к занимавшей меня теме. Пауза между министерским распоряжением о выделении кандидатур и решением об утверждении кандидата на поездку составляла не меньше года, в ходе которой мероприятие забывалось за текущими делами. Я находился в командировке в Москве, а возвратясь домой узнал, что на следующий день мне следует быть в Москве в Минвузе и готовым отправиться в тот же день во Францию.

И вот я во Франции, в аэропорту Орли. Три с небольшим часа назад в аэропорту «Шереметьево» я расставался с провожавшим меня однокурсником и другом Борисом Храповым. От всего пережитого у меня выветрились остатки знаний французского и я был принят представителями другой организации. Потом ситуация как-то разрешилась, сотрудник посольства на своей машине искал для меня место для ночлега по всему Латинскому кварталу Парижа. Ночь провел в каком-то общежитии, а наутро, вооруженный справочником-путеводителем по Парижу, данным мне консьержем общежития, где я ночевал, двинулся на поиски принимавшего нас Центра. Встретившая меня сотрудница Центра, познакомившись со мной, легко определила «уровень» – об уровне не могло быть и речи, – моего французского и тут же определила место моей лингвистической подготовки, без которой я не был бы в состоянии воспринимать лекции моих французских коллег и учителей.

Местом моей лингвистической подготовки был город Виши. Из профессионального стажа, таким образом, выпадал один месяц, мне же пришлось по истечении месячного срока просить еще один, поскольку после одного месяца изучения языка я чувствовал себя очень неуверенно в восприятии разговорной речи. В письме-просьбе, адресованном в принимавший нас Центр в Париже (Международный центр студентов и стажеров), я хитрил, употребив такой оборот, который превращал мою униженную просьбу о продлении лингвистической подготовки в

угрозу. Слава Богу, что я догадался показать написанный мной текст просьбы нашей преподавательнице, несравненной мадемуазель Марии-Луизе Паризе, чрезвычайно развеселив ее. В итоге просьба моя о дополнительном месяце языковой подготовки была удовлетворена. Надо вообще сказать о щедрости администрации Центра, всегда откликавшегося на просьбы стажеров, касающиеся и языковой, и профессиональной подготовки.

Парижская часть стажа. Языковая неуверенность еще долго будет преследовать меня, поэтому по прибытии в Париж я сразу записался на курсы Интерланг, а позже, после небольшого перерыва, стал заниматься языком в Альянс франсез на бульваре Распай. Надо учесть, что теперь занятия языком не были единственными, началась интенсивная профессиональная работа: посещение лекций и семинаров руководителя моей стажировки проф. Жана-Туссена Десанти (Jean-Toussaint Desanti) в Сорбонне (Университет Париж-6), лекций проф. Жюль Виймена (Jules Vuillemin) в Коллеж де Франс, семинара в Высшей Нормальной Школе (улица Ульм), руководимого Пьером Рэмоном (Pierre Raymond), философом и историком науки, и Морисом Луа (Maurice Loi), математиком, проходившего под эгидой Луи Альтюссера (Louis Althusser), тогдашнего проректора Школы [1].

Проф. Десанти сравнительно недавно – речь идет, напомним, о 1972/73 учебном годе – выпустил книгу-итог его работы над докторской диссертацией «Математические идеальности» [2] (Les idéalités mathématiques), в которой ставит вопрос: если математика не находится ни в небе, ни на земле, то где же ее собственное место, каков способ существования математических теорий, объектов математики. Для решения этой задачи он обращается к рассмотрению развития теории функций действительных переменных, тщательно анализируя тексты математиков, работавших в соответствующих областях. Тема для меня была и остается чрезвычайно трудной в силу недостаточности математической подготовки, но она трудна и в связи с тем методом, которым пользуется автор, а это, мне представляется, вариант феноменологического подхода; в этом смысле он продолжает традицию, начавшуюся во Франции работами Жана Кавайеса (Jean Cavailles), участника Сопротивления, расстрелянного нацистами. Феноменологию же на факультете в МГУ мы не изучали. Между прочим, проф. Десанти – автор исследования о соотношении феноменологии и марксизма и ряда других работ, в которых он, в частности, критикует современную философию, в т.ч. отношение марксизма к философии. Под его руководством я сделал небольшой текст, посвященный антиномии чистого разума И. Канта. Текст был благожелательно оценен мэтром, но положительная оценка сопровождалась очень точным указанием на некорректность утверждения симметрии между тезисом и антитезисом столкновений антиномии. На протяжении всего пребывания в Париже я ощущал неназойливое внимание к себе руководителя моей стажировки, которым очень дорожил. Я понимал, что это отчасти и зоологический интерес, что я отчетливо ощутил, будучи приглашенным на ужин в семью профессора. Надо сказать, что в этот период еще ощущалось дыхание 1968 г., поэтому, естественно, разговоры касались политики, положения в мире и в СССР. Здесь активность проявляла мадам Десанти, сказавшая, что теперь мне предоставилась возможность хорошо познакомиться с творчеством А. Солженицына. Скажу прямо, меня занимало другое: квартира Десанти находилась на улице Бак (rue du Bac) в особняке, где при Людовике XIII была резиденция шефа мушкетеров, на ужин был приглашен один из родственников Антуана де Сент-Экзюпери (не понял, или дядя, или племянник), я был полон впечатлений от Парижа, очень страдал от недостаточного знания французского и был одержим идеей постоянной работы над языком (о степени этой одержимости свидетельствует тот факт, что я отложил посещение Лувра на

последний месяц пребывания в Париже), да и последняя книга Десанти, посвященная феноменологическому обоснованию математики, меня сильно занимала в этот момент, поэтому меня совсем не соблазняла открывшаяся возможность погрузиться в творчество А. Солженицина. Меня занимала возможность участия в беседе с носителями языка и культуры. Надо сказать, что сам профессор, бывший марксист и коммунист, никогда не наезжал на меня со своими социально-политическими идеями, зато щедро делился своими теоретическими соображениями, педагогическим опытом, приглашая, в частности, на прием экзаменов, на неформальные семинары, где знакомил меня со своими докторантами. Во Франции в это время существовали две докторские степени: доктор третьего цикла, соответствующая нашей кандидатской, и государственный доктор, отвечающая требованиям, предъявляемым к нашим докторским диссертациям.

Читатель этих строк, возможно, оценит мой выбор центров, где, как мне представлялось, я мог бы наиболее продуктивно способствовать подготовке моей докторской работы. С именем профессора Ж. Виймена я был знаком еще в Союзе по публикации материалов международной конференции, в которой тот участвовал с докладом, вызвавшим мой интерес. Не помню точно ни название конференции, ни доклада Ж. Виймена. Помню лишь общее содержание, которое касалось проблем, близких мне, а именно – проблем обоснования знания, доказательства, оправдания, чем я тогда занимался. Мне казалось, что проф. Виймен – наиболее подходящая фигура для руководства моей тематикой. Этого не случилось, но общение с профессором Коллеж де Франс (Collège de France) организовалось как-то само собою: из объявления на стенде Коллежа я узнал, что по понедельникам и вторникам проф. Виймен читает курс, связанный с проблематикой *Principia Mathematica* Б. Расселла и А. Уайтхеда. Это то, что затрагивало меня вплотную, и я стал посещать этот курс. Многое было знакомо, но восхитило меня внимание к деталям текста, к историческому контексту, то, чем, в частности, отмечены все известные мне работы Жюль Виймена. Он занимал кафедру сравнительной эпистемологии престижнейшего Коллеж де Франс сразу после Мерло-Понти, после профессорства в университете Клермон-Феррана (родина Паскаля). По окончании первой же лекции я подошел к профессору и задал вопрос, который, как мне показалось, оказался уместным в глазах лектора. Разговорились, понять, что я иностранец, было нетрудно, но решить, откуда, профессору не удалось; пришлось сознаться. Стажер из Союза представлял в эти годы еще экзотическую категорию, я был приглашен в кабинет профессора Виймена, усажен в его кресло за столом и подробно опрошен об условиях моего пребывания во Франции. Тут же мне были подарены его книги [3], наличествующие в кабинете, а тех, которых здесь не доставало, пошли вместе искать в издательства, расположенные недалеко от Коллежа на бульварах Сен-Мишель и Сен-Жермен; наконец, не помню точно, в этот ли день или позже, я был приглашен пообедать после лекции. Во время обеда продолжалось доброжелательное наблюдение за мной, а я избавился от одного из предрассудков, культивируемых насчет французов в России. Этим завершился один из этапов знакомства французского философа с экземпляром из Советского Союза. Но, конечно, и для меня было это общение очень поучительным, а главное, конечно, что оказалось наиболее длительным впечатлением, это теплое дружелюбное отношение со стороны профессора Виймена.

У меня с самых первых недель пребывания в Париже создалось впечатление о названной кафедре как бастионе логико-аналитической традиции, противостоящем различного рода иррационалистическим, в глазах ее представителей, веяниям (помню, как скептически отнесся

профессор Виймен к работе Десанти о математических идеальностях, выдержанной в феноменологическом духе), правда, со специфически французским колоритом, характеризующемся вниманием к И. Канту. Позитивизм – я имею в виду прежде всего логический эмпиризм Венской школы – во Франции не был так влиятелен, как это, например, имело место в Германии, Австрии, Великобритании; это, мне кажется, результат влияния Г. Башляра. Преемником Виймена на кафедре стал его друг и единомышленник Гранже [10], в настоящее время кафедрой представляет профессор Жак Бувресс (Jacques Bouveresse), автор, в частности, крупных работ о Л. Витгенштейне [11], работающий, как мне видится, в русле своих предшественников на кафедре сравнительной эпистемологии Коллежа. Не так давно он был гостем философского факультета МГУ им. М. В. Ломоносова.

Должен сознаться, к стыду своему, что занятый языковыми проблемами, посещением других курсов и единичных мероприятий как теоретического плана, так и общекультурного, я не с должным вниманием отнесся к работам Виймена во время пребывания в Париже, а позже, вернувшись домой, поглощенный бытовыми и профессиональными проблемами, я отложил подробное ознакомление с ними до лучших времен. Эти времена так и не наступили, но даже поверхностное знакомство с доступными текстами профессора оставляет впечатление глубины постановки проблем и тщательности их разработки вплоть до мельчайших деталей. Это производит впечатление уже в первой большой работе Жюля Виймена, посвященной кантовской физике и метафизике (*Physique et métaphysique kantienne*) (1955), где философия немецкого мыслителя рассматривается в связи с его физикой и в зависимости от нее. Интерес Виймена к Канту был, по его собственным словам, инициирован лекциями Жана Кавайеса, упомянутого выше, и работами Франсуа Кюзена (François Cuzin), французских философов, расстрелянных нацистами как участников Сопротивления. Кстати, Кавайес – участник встречи-примирения немецких и французских интеллектуалов в Давосе в 1929 г., отмеченной в нашей памяти схваткой Э. Кассирера и М. Хайдеггера... тоже по поводу Канта. О широте интересов Виймена говорят его книги. Нельзя при этом не упомянуть в качестве свидетельства очерки об Аристотеле «От логики к теологии» (1967), которые предстают перед нами в качестве опыта выражения в современном языке фундаментальных идей Стагирита и их влияния в современном идейном контексте.

Девятнадцать лет спустя после моей первой встречи с Вийменом, находясь в Ницце, я узнал от своего друга профессора Ж.-П. Лартома (Jean-Paul Larthomas) о лекции профессора Виймена, приглашенного местным университетом. Не помню точно тему лекции – речь, кажется, шла о различных аксиоматиках механики – но сразу возникли те же ассоциации, вспомнились те же впечатления, с которыми с самого начала связалось у меня представление о профессоре Жюле Виймене. Я поздравил его с выходом новой книги на английском языке, отметив, что англичане наконец-то начали интересоваться французской философской и методологической мыслью. Виймен возразил: он писал ее на английском. После ужина организатор приглашения профессора Виймена в университет Ниццы профессор Лартома, Виймен и ваш покорный слуга гуляли по старому городу, беседуя о проблемах французской и русской культур, и тут я услышал поразившее меня признание Виймена: а все-таки вашего Пушкина я ставлю выше нашего Альфреда де Мюссе.

Участие (пассивное, все из-за ощущения неполноценности моего французского; сознаюсь, что овладению языком я придавал большее значение, чем профессиональным сюжетам, которые в большом числе случаев не отличались для меня новизной) в работе семинара в Высшей

нормальной школе оставило впечатление прежде всего докладами по истории научного познания. Несколько докладов, прослушанных здесь, неизменно отличались глубиной и тщательной проработкой деталей. Так, я узнал из одного из таких докладов, что известный из школьного курса физики эксперимент Блеза Паскаля в действительности не мог иметь места: тогдашние технологии не могли обеспечить изготовление стеклянной трубки длиной шестнадцать метров, а транспортные средства эпохи не в состоянии были доставить такой предмет по горам Оверни в целости и сохранности на нужную вершину. Событием было знакомство с Луи Альтюссером, который, правда, не часто посещал семинар. Он в это время выпустил небольшую работу под названием «Ответ Джону Льюису», на моем экземпляре которой он делает надпись, правда, уже в Москве в 1974 г. во время гегелевского конгресса, но разговор по поводу одной из главных идей книги, а именно, по поводу объяснения феномена культа личности, состоялся по телефону. На вопрос автора, согласен ли я с данным им – аутентично марксистским, как мне представлялось уже тогда – объяснением феномена, я ответил, тем не менее, отрицательно. Альтюссер тут же повесил трубку. Сказались засевшее в моей голове отечественное объяснение культа личности, а также и репутация Альтюссера в ФКП.

Встречи в провинции. До сих пор речь шла о персонажах, тем или иным образом связанных с учреждениями, находящимися в Париже. Между тем и руководитель моего стажа, и другие профессора называли мне другие центры, отдельных исследователей, которые отвечали бы моим научным интересам, в частности, в Лилле, Гренобле, Бордо, Ницце, Экс-ан-Прованс. Международный центр студентов и стажеров щедро обеспечивал профессионально обоснованные поездки (требовалась виза научного руководителя, который мне никогда в таковой не отказывал). Помимо профессионального интереса это открывало возможность познакомиться с такой разнообразной и прекрасной страной, какой является Франция, в целом хорошо известной в России и СССР, но такой неожиданной при непосредственном знакомстве с ней.

Лилльский университет – первый провинциальный университет, с преподавателями которого мне довелось встретиться. Профессор Ноэль Мулуд (Noel Mouloud) – центральная фигура коллектива (о коллективах во французских университетах можно говорить с долей осторожности: здесь нет кафедр, дающих хотя бы формальную основу коллективности), автор ряда работ по проблемам философии и методологии науки. Некоторые из них были переведены на русский язык [15]. В издании одной из них – *Анализ и смысл* (*L'analyse et le sens*) – мне довелось впоследствии принять участие в качестве редактора и автора вступительной статьи [16]. В ходе оживленной беседы – а она проходила в ресторане – довелось услышать не только суждения по поводу логики и методологии, но и увидеть элементы застольной культуры Франции. Профессор Мулуд и здесь был центральной фигурой: меня восхитило его дегустирование вина, к выбору которого он отнесся с большой серьезностью, остановившись лишь на третьем из приносимых на пробу бочонков. На встрече этой было выражено общее мнение об абсолютной необходимости для философа занятий математикой. Кстати, Мулуд побывал на философском факультете МГУ им. М. В. Ломоносова и во время встречи выразил свое восхищение работами нашего незабвенного Е. К. Войшвилло. В поезде по пути в Лилль я познакомился с докторантом одного из преподавателей университета Франсуазой Беркье, которая с большим уважением говорила о книге Г. Майорова, посвященной Лейбницу, собираясь организовать ее перевод. Кажется, из этой затеи ничего не вышло. Время было такое, когда во Франции приходилось отстаивать позицию, согласно которой в СССР существует и развивается философия в самом настоящем смысле слова, что деятельность философа в Союзе не

сводится к комментариям партийных решений, как утверждалось противниками такого видения ситуации. В этом отношении большую положительную роль сыграла деятельность Бернара Же (Bernard Jeu), философа спорта [19], написавшего, тем не менее, хорошо документированную (автор был в качестве, кажется, атташе по культуре во французском посольстве в Москве) книгу «Советская философия и Запад» (*La Philosophie soviétique et L'Occident*) [17]. Позицию, утверждающую существование философии в СССР, он отстаивал – это мне рассказывали уже очевидцы – в теледебатах с одним из ведущих журналистов Франции Жоржем Бортоли (Georges Bortoli), автором книги «Жить в Москве» (*Vivre à Moscou*) [18], утверждавшим, естественно, обратное, что философии в СССР не существует и быть не может.

Следующим провинциальным университетом, который я наметил посетить, был университет города Бордо. Заинтересовал меня работавший там доцентом (*maitre de conférence*) Морис Будо (Maurice Boudot), автор книги «Индуктивная логика и вероятность» (*Logique inductive et probabilité*) [14], вышедшей в престижной серии «Философия для века науки» (*Philosophies pour l'âge de la science*), организованной и руководимой Ж. Вийменом и его другом Гастоном Гранже. Мы быстро нашли общий язык – в свое время я защищал кандидатскую диссертацию на тему «Логика эмпирического познания Джона Венна». Меня немного удивило, что в очень содержательной книге французского коллеги Венну не было уделено какого-либо внимания. Для меня Венн был в некотором смысле фигурой синтезирующей, снимающей антитезу Милль-Хьюэлл (Mill-Whewell). Но эта линия развития не была близка моему коллеге. Настоящим праздником для меня была поездка с супругами Будо в родовое поместье Монтестье Ла Бред. Замок был пощажён во время революции 1789 г., как мне объяснили, из уважения к автору *Духа законов*. В одной из башенок замка обитала в это время, т.е. время нашего посещения поместья, родственница философа.

После встречи в Бордо было путешествие в Экс-ан-Прованс, в местный университет для встречи с профессором Ж.-Г. Гранже (Gilles-Gaston Granger). Это была рекомендация его друга проф. Виймена, которого Гранже впоследствии сменил на кафедре сравнительной эпистемологии в Коллеж де Франс. Проф. Гранже стажировался в свое время в Принстоне у Курта Геделя и затрагивал в своих работах целый ряд проблем, интересующих меня в связи с моей проблематикой оснований научного знания, методологии научного познания. Впоследствии он публикует книгу «За философское познание» (*Pour la connaissance philosophique*, 1988), в которой будет отстаивать тезис, противостоящий двум основным видениям философии – как высшего догматического знания, с одной стороны, а с другой, как поэзии, занятой состояниями души – тезис, согласно которому философия представляет собой подлинное знание, не сводимое к науке и никоим образом не подчиняющееся последней, знание, которое может быть строгим, хотя и не демонстративным, знанием парадоксальным образом без объекта. Очень интригующая работа, оригинальным образом представляющая общую тенденцию к преодолению метафизики, точнее, не традиционному пониманию места и роли философского в целостной системе знания, философствование над философией.

Ницца: стажер, профессор. Следующей встречей была встреча с преподавателями университета Ниццы. Завершался учебный год, и мне удалось познакомиться с несколькими молодыми преподавателями департамента (факультета) философии, с которыми через 19 лет мы встретились уже профессорами. Это были Жан-Поль Лартома и Андре Тозель (André Tosel), с которыми у меня надолго сохранились дружеские и профессиональные отношения. Университет этот, к моменту моего появления там (май, 1973 г.), едва насчитывал десяток лет, но за

короткий срок, спустя 10–15 лет, сформировал очень сильную команду исследователей и преподавателей национального и, я решусь это утверждать, интернационального уровня. Так, профессора Доминика Жанико (Dominique Janicaud), одного из ведущих профессоров департамента, руководителя Центра исследования истории идей, мне довелось впервые услышать в Кембридже (Великобритания, 1988), где он делал доклад, посвященный полемике Фуко и Хабермаса об историческом познании. Теоретическая, философская палитра преподавателей департамента философии в университете Ниццы, как и социально-политические позиции, отмечены большим разнообразием. Представлены практически все основные направления современной философии, основные философские дисциплины. Профессор Маттеи Ж.-Ф. (Mattei J-F) – один из редакторов и издателей уникальной четырехтомной философской энциклопедии, четвертый том которой посвящен не понятиям, не персоналиям, но наиболее выдающимся произведениям. На предложение Маттеи представить подходящие изданию, соответствующие самым высоким требованиям работы советских авторов, я, по размышлению, предложил несколько книг, из которых редактором были выбраны замечательная книга блестящего историка химии В. И. Кузнецова «Общая химия» и книга А. Ф. Лосева «Философия имени». Названные работы были представлены в энциклопедии миниатюрными статьями; о книге Лосева статья вышла в соавторстве. Это был уже 1991 год.

Мне довелось в течение трех месяцев этого года работать в департаменте философии в качестве приглашенного профессора. Это давало возможность общения со студентами и преподавателями департамента. Читал я общий курс философии, как я представлял его себе, работая со студентами и аспирантами МХТИ (теперь РХТУ) им. Д. И. Менделеева. Работал я также с группой магистров из 5 человек и с двумя докторантами, в обоих случаях прежде всего выделяя проблематику оснований знания, методологические проблемы естественно-научного и логико-математического познания. Мне казалось, что я в состоянии сообщить своим слушателям что-то новое, не знаю до сих пор, всегда ли это удавалось. Но помню, явка на мои занятия была всегда удовлетворительной. Очень важной для меня стороной деятельности в университете Ниццы было посещение лекций и семинарских занятий других преподавателей. Неизменно блестящие, я отношу это частью на счет одной из французских добродетелей, стремления нравиться, они, как правило, отличались и глубиной, и тщательной отделкой деталей. Не могу не вспомнить в связи с этим блистательные лекции моего друга профессора Лартома, посвященные анализу *Критик* Канта, особенно третьей *Критики* его докторскую работу, посвященную анализу влияния британских источников на Канта [8] Восхищение вызывали лекции профессора Маттеи, в частности, его рассмотрение творчества Кондорсе, глубокое впечатление оставили лекции профессора А. Тозеля, посвященные судьбам марксизма в различных странах в различные периоды, в частности, в СССР, его прочтение трудов А. Грамши, нашедшие свое воплощение в книге *Марксизм в XX столетии* [7], глубокий анализ *Богословско-политического трактата Спинозы* [9], социально-политических работ Канта. Международное признание получили работы Д. Жанико, в частности, двухтомник *Хайдеггер во Франции* [6], абсолютно необходимый в настоящее время для хайдеггероведения. Каждый из названных членов философского департамента университета Ниццы и целый ряд не названных заслуживают отдельного исследования (большая часть из них – увы! – в лучшем мире) – не боюсь этого слова; настоящий очерк не может ставить такой задачи, он в состоянии представить лишь выборочное и очень личностное восприятие положения дел и отдельных фигур философского пейзажа Франции. Я заранее прошу прощения у тех, кого я не упомянул в данном тексте, скажу лишь

одно: у меня навсегда останется в памяти их сердечность и готовность поделиться своими знаниями и опытом.

С университетом Ниццы, с его философским департаментом связана деятельность последних лет жизни интереснейшей философской фигуры Эрика Вейля (Eric Weil). Но чтобы рассказать об этом, следует вернуться ко временам моей стажировки, точнее, к октябрю месяца 1973 г. Новые друзья, А. Тозель и Ж.-П. Лартома, сообщили мне о проживающем в Ницце философе, уважаемом представителями любых философских ориентаций, ученике Э. Кассирера. Мне было известно его имя еще в Париже, известно, как имя выдающегося знатока Канта. Мне говорили о том, что он работает в университете Лилля. Собственно, в Лилль я и направился, движимый интересом к живому кантианцу. Я его там не нашел, хотя встречей с сотрудниками философского факультета университета Лилля совсем не был разочарован. Оказавшись в Ницце, я, естественно, не мог упустить возможность тем или иным образом пообщаться с проживающим здесь Э. Вейлем. Философ оказался, на редкость, коммуникабельным. Телефонный звонок, и я в гостях у профессора Вейля в квартире на бульваре Виктор Гюго, 47. Представившись, я объяснил причину моего появления у профессора, подчеркнул, как важен Кант для решения стоящих передо мной проблем. Вейль очень одобрил мой интерес к Канту, заметив, что канонизация книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» привела к тому, что интерес к Канту в СССР практически исчез. Я возразил, сославшись на работы Валентина Фердинандовича Асмуса, на что мой собеседник тотчас отреагировал словами: положение Асмуса в вашей философии очень специфично. Меня поразило понимание человеком, по его словам, побывавшего в течение двух недель в Москве и Ленинграде, особенностей философской жизни в СССР и положения отдельных фигур. Замечу, что наша беседа сопровождалась дегустацией великолепного Арманьяка, сервированного мыслителем.

Вейль, автор фундаментальной *Логики философии*, вышедшей двумя изданиями. Отнести этот труд к какому-либо направлению, из существовавших ко времени выхода труда (1967 – второе издание) [4] или существующих в настоящее время, невозможно: Эрик Вейль абсолютно неклассифицируемый мыслитель. В книге поставлены все проблемы, представлены все темы, с которыми непременно встречается то или иное направление философии, здесь они прожиты автором. Здесь, конечно, присутствует Кант, но в гораздо большей мере ощущается движение гегелевской и марксовской мысли, марксовского образа действий, хотя Вейль, кажется, считает Маркса лишь продолжателем Гегеля. Деятельностный аспект представлен в труде очень осязаемым образом, а рассмотрение различных сюжетов осуществляется в контексте отношения дискурса и насилия (violence). Философия, естественно, отождествляется здесь с историей, развертывание которой в деятельности ведет к обретению мудрости. Вейль – автор очерков о Канте, объединенных под названием «Кантовские проблемы» (Problèmes kantians). В университете Лилля, где долгое время работал Вейль, создан центр Эрик-Вейль, который организовал несколько международных мероприятий, посвященных творчеству философа, актуальности его мысли. Мне кажется, что нам еще предстоит работа открытия Эрика Вейля. Я очень дорожу экземпляром главного труда философа с его автографом. Подаренные им же очерки о Канте затерялись дома в книжном хаосе [5]. Замечу, что описанная здесь встреча была не единственной.

В ходе общения с французскими коллегами, студентами, докторантами создалось впечатление, что мы можем многому у них поучиться (историко-философская щепетильность, языковая культура), но вместе с тем, что отсутствуют какие-либо основания для культивирования

комплекса профессиональной неполноценности. Есть ли, однако, основания для большего? Может ли отечественная философия оказать влияние на философскую мысль во Франции? Этот вопрос просто не стоит сейчас перед нами, перед отечественным философским сообществом. И у нас, и у французского философского сообщества отсутствует сознание кризиса современной философии. Одна проблема, однако, в решении которой может существенную роль сыграть объединение усилий российских и французских философов – это проблема снятия конфликта основных философских направлений нашей эпохи, конфликта логико-аналитического и феноменолого-герменевтического способов делать философию. Это – главная интеллектуальная драма нашего времени. Но, разумеется, нельзя при этом упускать из виду внетерриториальную основу названного конфликта.

Невозможно, конечно, не обратить внимания, как на симптомы движения к снятию конфликта, на существование у некоторых авторов сближения традиционно противостоящих позиций: у сциентиста Г. Башляра интерес к феноменологическому и психоаналитическому [13], а, например, у П. Рикера, феноменолога и герменевта, интерес к структурализму, больше того, утверждения, что без структурализма невозможна герменевтика: объяснять больше, чтобы понять лучше [12]. Но такие движения редки, покамест не вызывают большого сочувствия и, тем более, желания следовать в их русле.

Статья публикуется при финансовой поддержке издательства «Социально-гуманитарное знание» (решение №210585).

Литература

1. Althusser L. *From Capital to Marx's Philosophy // Reading Capital*. London: New Left Books, **1970**.
2. Desanti J-T. *Les idéalités mathématiques*. 2-eme ed. Paris: Editions du Seuil, **2008**.
3. Vuillemin J. *Physique et métaphysique kantienne*. Paris: PUF, **1955**.
4. Weil E. *Logique de la Philosophie*. Paris: Vrin, **1967**.
5. Weil E. *Problemes kantien*. Paris: Vrin, **1963**.
6. Janicaud D. *Heidegger en France*. Paris: Albin Michel, **2001**. 2 vol.
7. Tosel A. *Le marxisme du 29 siecle*. Paris: Syllepsie, **2009**.
8. Larthomas J.-P. *De Shaftesbury a Kant*. Paris: Didier, **1986**.
9. Tosel A. *Spinoza ou le crepuscule de la servitude*. Paris: Aubier, **1984**.
10. Granger G.-G. *Pour la connaissance philosophique*. Paris: Odile Jacob, **1988**.
11. Bouveresse J. *Le mythe de l'interiorite*. Paris: Minuit, **1987**.
12. Ricoeur P. *Hermenetique*. Paris: Seuil, **2010**.
13. Башляр Г. *Грезы о воздухе*. М.: Изд-во гуманит. литер., **1999**.
14. Boudot M. *Logique inductive et probabilite*. Paris: Armand Colin, **1972**.
15. Мулуд Н. *Современный структурализм*. М.: Прогресс, **1973**.
16. Мулуд Н. *Анализ и смысл*. М.: Прогресс, **1979**.
17. Jeu B. *La Philosophie soviétique et L'Occident*. Paris: Nouvelle Critique, **1963**.
18. Bortoli G. *Vivre a Moscou*. Parus, **1969**.
19. Jeu B. *Philosophie du sport*. Paris: Diogenes, **1972**.

Поступила в редакцию 20.07.2021 г.

После доработки – 04.08.2021 г.

DOI: 10.15643/libartrus-2021.4.6

French reminiscences

© V. I. Metlov

*Lomonosov Moscow State University**Bldg. 4, 27 Lomonosovsky Avenue, 119991 Moscow, Russia.**Email: vimetlov@gmail.com*

The paper is a description of the author's stay in France, firstly as a stasher and after as a professor of the philosophy department in the Nice university. Author tells us about the stay conditions and subjects of his interests, characterizes briefly the principal philosophic center in Paris and province and their main representatives. Some problems are named which could form a domain of a fruitful collaboration the French and Russian philosophers. The text bears the traces of the author's predilections in terms of theoretical and human qualities. Thus, reader shall not find here any appreciation of phenomenological movement, with which French philosophy is often identified. Authors sympathies are placed on the side of the logico-analytical tradition in France, which is not, appreciated enough in Russia. At the same time, the importance of getting over the conflict of the main philosophic tendencies is stressed. Great respect and gratitude are expressed in the article to the establishment and persons met by the author in France during his stay there.

Keywords: stasher, philosophic centers, professorship, Paris, province, problems, French, philosophy, logic.

Acknowledgements. The article is published under the financial support of "Sotsial'no-Gumanitarnoe Znanie" Publishing House (Decision No. 210585).

Published in Russian. Do not hesitate to contact us at edit@libartrus.com if you need translation of the article.

Please, cite the article: Metlov V. I. French reminiscences // *Liberal Arts in Russia*. 2021. Vol. 10. No. 4. Pp. 278–288.

References

1. Althusser L. *Reading Capital*. London: New Left Books, 1970.
2. Desanti J-T. *Les idéalités mathématiques*. 2-eme ed. Paris: Editions du Seuil, 2008.
3. Vuillemin J. *Physique et métaphysique kantienne*. Paris: PUF, 1955.
4. Weil E. *Logique de la Philosophie*. Paris: Vrin, 1967.
5. Weil E. *Problemes kantien*. Paris: Vrin, 1963.
6. Janicaud D. *Heidegger en France*. Paris: Albin Michel, 2001. 2 vol.
7. Tosel A. *Le marxisme du 29 siecle*. Paris: Syllepsie, 2009.
8. Larthomas J.-P. *De Shaftesbury a Kant*. Paris: Didier, 1986.
9. Tosel A. *Spinoza ou le crepuscule de la servitude*. Paris: Aubier, 1984.
10. Granger G.-G. *Pour la connaissance philosophique*. Paris: Odile Jacob, 1988.
11. Bouveresse J. *Le mythe de l'interiorite*. Paris: Minuit, 1987.
12. Ricoeur P. *Hermenetique*. Paris: Seuil, 2010.
13. Bachelard G. *Grezy o vozdukhe [Air and dreams]*. Moscow: Izd-vo gumanit. liter., 1999.
14. Boudot M. *Logique inductive et probabilité*. Paris: Armand Colin, 1972.
15. Mouloud N. *Sovremennyi strukturalizm [Modern structuralism]*. Moscow: Progress, 1973.
16. Mouloud N. *Analiz i smysl [Analysis and meaning]*. Moscow: Progress, 1979.
17. Jeu B. *La Philosophie soviétique et L'Occident*. Paris: Nouvelle Critique, 1963.
18. Bortoli G. *Vivre a Moscou*. Parus, 1969.
19. Jeu B. *Philosophie du sport*. Paris: Diogenes, 1972.

Received 20.07.2021.

Revised 04.08.2021.